75 лет назад в газете «Правда» вышел очерк Петра Лидова «Таня». Публикацию сопровождал снимок казнённой девушки, сделанный фотографом Сергеем Струнниковым.

Если бы пришлось выбирать лучшего журналиста в истории, стоило бы назвать именно эти две фамилии: Лидов и Струнников. Отважные, лезущие в самое пекло ради достойного материала, они, как никто, внушают уважение.

ПЁТР ЛИДОВ

> *«Я считаю очерк литературным жанром. Очерк — это десерт в газете, так же как и всякий иной литературный жанр: стихи, повести… Мы иногда хотим накормить читателя обедом, наполовину состоящим из пирожного, а он просит хоть немножечко щей. Ах, как хочется «наварить» густых, содержательных, ароматных информационных щей».*
>
> (Из дневников Петра Лидова).

Пётр Лидов был уроженцем Харькова, и родителей своих не знал – рос в детдоме. Позже был усыновлён профессором химии Харьковского технологического института, а когда приёмный отец умер, мальчику пришлось самому зарабатывать на жизнь. Он сменил несколько рабочих мест, пока в 1920 году не получил должность курьера в Харьковском губкоме партии. Тогда же написал первую заметку – об увиденном самолёте и о том, как сам мечтает стать лётчиком. Заметку, к удивлению Лидова, напечатали в городской газете. На этом писательский пыл временно угас.

В дальнейшем была учёба в школе, комсомольская работа, служба в армии, и к журналистскому делу Пётр Лидов вернулся только через пять лет, когда его выдвинули на работу в партийном отделе «Харьковский пролетарий».

«Если говорить о стороне личной, — пишет «правдист»-исследователь Виктор Кожемяко, — то и знакомство с рабфаковкой Галей Олейник на дне рождения ее подруги в конце 1930-го, а затем женитьба на ней неотделимы от основной жизненной линии. Когда будущая жена первый раз его увидела, то назвала мысленно — солдат: был он в форме и по-солдатски подтянут, потому что служил в красноармейских газетах. А Галя с десяти лет — круглая сирота: отец погиб в Гражданскую, мать умерла, и все шестеро малых, из которых она была старшая, попадают в детский дом».

Неудивительно, что Галина обратила внимание на молодого человека: многие вспоминают, как шла ему военная форма, как мог он порисоваться перед девушками военной выправкой и обворожительной улыбкой.

Впереди же назревала еще одна война. Великая и грозная, где будет решаться судьба Родины. — Он мне часто на ушко говорил: будет война, — вспоминала Галина Яковлевна Лидова.

О его необычайной прозорливости отзывались также и коллеги-журналисты. В самом начале войны, когда многие надеялись на «недоразумение» и скорый отпор врагу, Лидов давал трезвый расчёт: немцы дойдут до Москвы и Дона и найдут там свою погибель. Говорил он это так уверенно, что многие беспокоились насчёт его морального облика и пораженческих настроений.

После переезда в Москву в 1932 году и работы в многотиражке завода «Серп и молот», Лидов был направлен на работу в «Правду», где за четыре предвоенных года дорос до собкора в Минске. Там и застала семью война.

Сам же Лидов так описывает в дневниках первое утро 22 июня:

«Утром я еще лежал в постели, а дети уже торопили. Было решено, что сегодня поедем за город, на открытие созданного в Минске искусственного озера. Обсуждались обычные для таких случаев вопросы: кому что надеть, брать ли детское одеяло, будут ли там продавать напитки.

Зазвонил телефон. Говорил секретарь редакции «Правды» из Москвы. Он был, судя по голосу, чем-то возбужден.

— Будь в готовности, может быть, придется выехать в Брест, где ты недавно был.

Я надел гимнастерку и сапоги, сунул в карман деньги и, не пивши чаю, ушел. Жене сказал: «Может быть, уеду. Не беспокойся».

Город с утра был спокоен. Люди двигались к паркам и за город. В приемной первого секретаря ЦК сидели несколько человек. Меня сразу впустили в кабинет Пономаренко.

— Война, — сказал он. — Дерутся на нашей территории. Фашисты перешли границу, бомбили Брест, Белосток, самолеты прорываются к Барановичам.

Вошел председатель Совнаркома Былинский. Я представился. Попросил дать мне

машину. Он тотчас распорядился выделить мне автомобиль. Потом мы остались с Пономаренко одни в его большом, тихом и светлом кабинете. Оба старались быть спокойными.

Вскоре Пономаренко уехал в Военный совет. Я же поехал домой, а потом в редакцию «Красноармейской правды». Никто ничего еще толком не знал о войне… Передавали, что пограничники как львы дрались на улицах Бреста. Сделав записи, я поехал по заводам. Во дворе одного из них был большой митинг, я записывал речи, фотографировал и получил резолюцию. Потом поехал в штаб округа…

Смеркалось. Во дворе штаба на каждом шагу стояли часовые. В воздухе кружились истребители и висел аэростат заграждения. Я быстро написал первую корреспонденцию о войне и тут же передал ее по телефону. Корреспонденция эта была напечатана 24 июня в «Правде» на первой странице».

Прорваться в Брест так и не удалось, пришлось эвакуироваться под бомбёжкой – Лидовы даже не успели забежать домой за паспортами, хотя и находились во дворе.

Долгие месяцы отступлений Лидов запечатлел не только в дневниках, но и на страницах «Правды». В августе 1941 года вместе с нашими лётчиками он летит на месте стрелка-радиста бомбить немецкие города. После летит к партизанам Белоруссии, с помощью которых пробирается в оккупированный Минск – материал об этом перепечатали многие зарубежные газеты. Статьи об обороне Москвы печатались ежедневно.

Но, разумеется, вершиной его журналистской деятельности стали очерки о Зое Космодемьянской.

ТАНЯ

> *«Я считаю, что триумф «Тани» — это триумф чудесной русской девушки Зои Космодемьянской, моя же роль — это скромная роль репортера, протоколиста событий, который, по рассказам очевидцев, добросовестно и пунктуально записал все, что связано с подвигом и гибелью нашей героини. Успех очерков о Тане в том, что они от начала до конца документальны, протокольны и в них нет ни вымысла, ни пустой и звонкой фразы, так часто спасающей очеркиста, не запасшегося*

достаточным количеством добротных фактов»

(Пётр Лидов, редакционная газета «Правдист»).

История того, как Лидов впервые узнал о подвиге казнённой девушки, всем известна: остановился на постой в придорожной избе, услышал рассказ старика, пошёл в Петрищево. Однако и тут есть нюансы. Вместе с Лидовым в избе ночевали журналисты, ожидавшие взятия Можайска – как раз в это время за город велись напряжённые бои – в том числе и военкор «Комсомольской правды» Сергей Любимов. 18 января они узнали, что в четырех километрах только что отбита деревня Пушкино. Перед отступлением гитлеровские факельщики сожгли ее почти дотла. Было решено поехать в Пушкино. Когда они прибыли, деревня догорала, сохранились только три избы, расположенные на отшибе. Лидов и Любимов стали записывать рассказы жителей. К ним подошла женщина, расспросила, кто они такие, а узнав, что это корреспонденты, сказала:

— Говорят, что в Петрищеве немцы девушку повесили… На допросе она не промолвила ни слова, а перед казнью, уже стоя на ящике с петлей на шее, она говорила и говорила…

Военкоры отправились в Петрищево, но заплутав в лесу, вынуждены были возвратиться на свою базу.

На следующий день они всё же добрались до Петрищева и узнали историю Тани. Она потрясла их, и оба решили писать о чудесной девушке. Неизвестно, сколько раз побывал в деревне Любимов, но Лидов ездил туда не менее десяти раз – искал свидетелей, выспрашивал подробности. В итоге, материалы, вышедшие одновременно, оказались совершенно разными.

Очерк Лидова «Таня» (который сначала он собирался назвать «За Сталина!»), выразил такую силу духа героини, такое презрение к врагу и смерти, что вошёл в историю, как образец журналистского труда. Очерк Любимова, перенасыщенный советской патетикой, очень скоро забылся – помнят о нём нынче лишь специалисты и архивные работники «Комсомолки».

Достаточно сравнить эпизоды, повествующие о казни, чтобы понять глубину различия.

Из очерка Сергея Любимова «Мы не забудем тебя, Таня!»:

«Обращаясь к немцам, Татьяна воскликнула:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, всё равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня…

Колхозники плакали, слушая эту пламенную речь.

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придёт!..

Палач выбил из-под ног девушки ящик и подтянул верёвку. Дёрнулась верёвка и оборвала могучий призыв пламенной патриотки».

Из очерка Петра Лидова «Таня»:

«Тогда Татьяна повернулась в сторону коменданта и, обращаясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не одна. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Вам отомстят за меня. Солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен, все равно победа будет за нами! Вам отомстят за меня…

Русские люди, стоявшие на площади, плакали. Иные отвернулись и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Палач подтянул веревку, и петля сдавила Танино горло. Но она обеими руками раздвинула петлю, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь! С нами Сталин! Сталин придёт!..

Палач уперся кованым башмаком в ящик. Ящик заскрипел по скользкому, утоптанному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Толпа отшатнулась. Раздался чей-то вопль, и эхо повторило его на опушке леса…»

Нужно обладать большим талантом, чтобы суметь нарисовать подобную картину.

Кстати, по утверждению работника «Правды» Семёна Гершберга, «в ночь перед выходом газет, 26 января, встретились редакторы «Правды» и «Комсомольской

правды», пригласили авторов, взаимно ознакомились с очерками, сделали идентичными слова Тани перед казнью, записанные с уст свидетелей. И материал благословили в печать!..»

Должно быть, тогда и появились в очерках одинаковый призыв Сталина, отсутствовавший в показаниях свидетелей казни.

Также оба очерка сопровождали снимки, сделанные одной и той же рукой – Сергея Струнникова.

Фотографии эти появились практически случайно. Узнав от верейских партизан, что девушка эта ночевала в их землянке и является бойцом московского истребительного батальона, Лидов начал просматривать документы призывников-добровольцев, среди которых обнаружил трёх Татьян. Стало ясно, что газетный материал необходимо сопроводить фотографией повешенной девушки, возможно родственники опознают героиню.

Теперь уже втроём – Лидов, Любимов, Струнников – они приехали в Петрищево и в присутствии местных крестьян вскрыли могилу. Тело с обрывком верёвки промёрзло и напоминало мраморную статую.

Было сделано более десятка снимков, корреспонденты замёрзли, но фотограф не успокоился, пока не сделал самый главный – тот, что был опубликован вместе с очерком Лидова. Именно в этом снимке удалось показать одновременно красоту Тани, её презрение к смерти и ужасы, творимые немцами на оккупированной земле. Так и вышло, что очерк поддерживался фотографией, а фотография очерком – оба демонстрировали одно и то же.

Материал же Любимова был проиллюстрирован другим снимком – куда менее сильным по воздействию.

По той ли фотографии, по другой ли, но девушку узнали и брат, и школьные товарищи, и однополчане. Они и сообщили в газеты и комитеты комсомола, что это ни кто иная, как Зоя Анатольевна Космодемьянская.

СЕРГЕЙ СТРУННИКОВ

> *«14 марта 1942 г. Судьба и обстоятельства перебросили меня в санаторий, где я ремонтирую своё здоровье, чтобы вновь вместе с Вами (это моё желание) создавать ценные вещи нашей эпохи для потомков, для истории, отойти от стандарта и брать самую соль жизни, самое острое, самое необходимое».*
>
> (Из письма Сергея Струнникова Петру Лидову)

Он был почти ровесником Лидова, и, росшие в одно время, они наверняка хорошо друг друга понимали. Впрочем, в их судьбах всё же есть существенное различие: если один был сиротой, рано взявшимся за работу, то второй рос в семье художника в центре Москвы. Впрочем, отец его имел крестьянское происхождение и самостоятельно пробивался в жизнь: придя в первопрестольную без копейки в кармане, сумел при помощи писателя Гиляровского окончить Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а затем и Академию художеств в Петербурге по классу И.Е. Репина.

Сын не идёт по стопам отца – он выбирает кино и фотографию и поступает на операторское отделение Государственного техникума кинематографии. После окончания некоторое время работает в кино, ездит в экспедиции – в том числе зимует на знаменитом Красине, делает портретные снимки, а перед войной в Центральном доме журналиста проходит его персональная выставка.

О войне Струнников узнал через несколько недель после её начала – как фотограф он сопровождал дальнюю геологическую экспедицию. Ещё через месяц добрался до Москвы, где его уже ждала повестка и приглашение на работу от газеты «Правда».

Он был жаден до работы и, перебарывая высотобоязнь, летал на бомбардировщике, чтобы заснять момент бомбёжки. Во время рейда по тылам врага лез в самую гущу боя, чтобы сделать хороший снимок. «Съёмка поглощала фотографа настолько, что он не замечал свиста пуль вокруг себя. Однажды, когда он выбежал на опушку леса, немцы открыли огонь, а Сергей, встав на колено, продолжал щёлкать затвором «лейки». К счастью, обошлось: пуля только оцарапала ему висок», — пишет Виктор Кожемяко.

Московские снимки тоже порой давались нелегко: стремясь к полной достоверности, он снимал городские виды исподтишка, как шпион, за что часто попадал в милицию, где его уже знали по имени и отчеству и отпускали с улыбкой.

После было много работ из блокадного Ленинграда, Сталинграда, Одессы, Крыма.

Последним местом командировки стала Полтава.

22 июня 1944 года вместе с Петром Лидовым они приехали на аэродром, где разместился «подарок» второго фронта – американские бомбардировщики «Летающие крепости». Их оберегали готовые взмыть в небо наши истребители, а также зенитные расчёты, состоявшие из девушек. Ночной налёт немецкой авиации оказался неожиданным и продуктивным: фугаски сжигали всё подряд. Свидетели утверждают, что немецкие летчики применили и коварную новинку — сбросили магнитные бомбы, которые, как лягушки, прыгали к металлу. Прикоснувшись к самолету или зенитке, взрывали их. Число жертв налёта было трудно определить.

Именно в этот момент, не слушая уговоров спуститься в убежище, Лидов и Струнников бросились к зенитному орудию и попытались отразить атаку. Сбитый немецкий самолёт упал слишком близко от них.

Памятником на их общей могиле стала погнутая лопасть винта «Летающей крепости», которую со временем заменили на мраморную плиту.

> *«Садимся за стол… Сильный гул моторов прерывает разговор. Бросаемся к открытому окну. Высоко в небе прямо на нас идет целая армада бомбардировщиков… Слышна стрельба зениток.*
>
> *— В подвал!*
>
> *Я спокоен, вероятно, потому, что еще не знаю, что такое бомбежка.*
>
> *Раздается свист страшной силы, скрежущий, воющий свист. Взрывы где-то близко, один, другой, третий — много взрывов. В комнату врывается буря, распахивается дверь, и я отчетливо ощущаю, как шатается весь семиэтажный дом, как качается шкаф, кровать. Потом все проходит, и взрывы слышны где-то далеко…»*
> *(запись из дневника Петра Лидова от 24 июня 1941 года).*